

С.В. Сосновских
(Екатеринбург)

**Проблема взаимоотношений интеллигенции
и власти в конце 1920-х – 1930-е годы
в современной историографии**

В последние десять лет быстрыми темпами развивается сравнительно новая отрасль исторической науки – «интеллигентоведение». Не последнюю роль в этом процессе сыграло создание в 1994 г. в Екатеринбурге по инициативе М.Е. Главацкого центра «XX век в судьбах интеллигенции России», в рамках которого регулярно проводятся конференции и «круглые столы», посвященные наиболее значимым проблемам истории интеллигенции. Постоянным лейтмотивом затрагиваемых тем является такой вечный вопрос, как взаимоотношения интеллигенции и власти.

Нельзя не согласиться с А.О. Никитиной, которая отмечает изменения в проблематике трудов, посвященных взаимоотношениям интеллигенции и власти: «Если на первых конференциях рассматривалась лишь линия отношений советской власти к интеллигенции с констатацией дискриминационного и репрессивного характера последней, то с конца 1990-х годов и тональность и постановка вопросов переходят в другую плоскость. Исследователи начинают рассматривать посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах, а также опыт «хождения во власть», оппозиционность интеллигенции политическим режимам, политические стратегии интеллигенции в переломные эпохи»¹.

Таким образом, мы видим, что спектр изучаемых вопросов расширяется и выходит на новый уровень. Если для перестроечного и первых лет постперестроечного периода был присущ описательный характер работ, концентрация внимания исследователей на изложении фактов репрессий, биографий репрессированных представителей интеллигенции, что является оправданным в условиях открытия архивных фондов и введения в оборот новых источников, то, начиная со второй половины 1990-х гг., научные статьи и монографии приобретают все более проблемный характер.

На протяжении длительного периода считалось, что оппозиционность является неотъемлемым качеством интеллигенции. В последние десять-пятнадцать лет все больше исследователей говорят об ошибочности прочно утвердившейся догмы о идейно-политической монолитности интеллигенции советского времени².

В.С. Терехов пишет: «Власть базируется на системах подчинения и субординации (вертикальный вектор), а интеллигенция – на системах сосуществования и толерантности (горизонтальный век-

тор), следовательно, оппозиционность изначально свойственна интеллигенции»³. По словам Терехова, такая постановка проблемы нашла отражение в работах В.Л. Соскина, Л.Н. Когана, Т.Б. Котловой. Сам исследователь считает, что интеллигенция не всегда идентифицирует себя с оппозицией, но эта роль является для нее наиболее характерной.

С точки зрения автора, говоря об оппозиционности интеллигенции, необходимо учитывать, что термин «интеллигенция» может трактоваться в двух смыслах: либо как духовно-социальное образование, либо как социально-профессиональная группа. В первом случае термин «интеллигенция» ассоциируется с категорией «интеллигентность», во втором – с категорией «интеллектуализм»: «Интеллектуалы», в отличие от «интеллигентов», далеко не всегда оппозиционны власти, скорее, наоборот, лояльны по отношению к ней»⁴.

По мнению исследователя, тоталитаризм, борясь с инакомыслием и оппозиционностью «интеллигентов», вполне мог бы опереться на лояльность и аполитичность «интеллектуалов». Однако этому мешало неприятие властью пассивной лояльности, свойственное тоталитаризму требование фанатичной преданности режиму. Отсюда Терехов делает следующий вывод: «...тоталитарная система не занимается бессмысленным для себя дифференцированием – она борется с интеллигенцией вообще, как с социальной группой»⁵.

Томский историк С.А. Дукарт называет утверждение об обязательном присутствии у интеллигенции такого качества, как «оппозиционность власти» «мифом», выделяя три основные группы интеллигенции: 1. проправительственную; 2. среднюю; 3. оппозиционную. К «средней» strate интеллигенции автор относит тех представителей интеллигенции, «которые не имеют активной политической позиции, главным качеством своей деятельности считая профессионализм. Это собственно те, кого принято называть специалистами»⁶.

Более подробную классификацию отношения интеллигенции к власти можно встретить в работах петербургского исследователя В.С. Волкова, социолога Н.Е. Покровского⁷. Как и С.А. Дукарт, они выделяют категорию, которая не занимала осознанно избранных позиций и покорялась обстоятельствам. По их мнению, конформистские слои были значительными по численности, если не преобладающими.

Данную точку зрения разделяет новосибирский ученый С.А. Красильников: «На протяжении всего XX века политический активизм являлся нормой поведения и деятельности сравнительно небольшой части интеллигенции. Для основной же массы органичным являлось состояние конформизма»⁸.

Тема «Интеллигенция и конформизм» в последнее десятилетие является одной из наиболее актуальных. Особо острые дискуссии

по этому вопросу проходили в конце 1990-х гг. и касались прежде всего ценностного аспекта проблемы. В последние несколько лет интерес к этому вопросу снижается.

Начало разработке аксиологической плоскости проблемы конформизма интеллигенции положили работы С.А. Красильникова. В отличие от большинства исследователей, которые рассматривают конформизм интеллигенции как негативное явление⁹, означающее приспособленчество, пассивное принятие существующих порядков, отсутствие собственной позиции, Красильников призывает посмотреть на конформизм с другой стороны.

По мнению автора, конформизм – это не только мировоззренческая, но и поведенческая ценность: «...медики, педагоги, управленцы, офицеры и юристы «обучены» на конформизм или приспособление своего труда к нормам и стандартам существующего общества»¹⁰. Исследователь рассматривает конформизм как положительную социальную ценность, а интеллигенцию как посредника между отдельными слоями и группами общества. Исходя из этого, Красильников не согласен с теми учеными, кто ставит оппозиционность большевистскому режиму в заслугу интеллигенции. Сторонниками С.А. Красильникова по этому вопросу являются сибирские историки С.А. Дукарт, С.Г. Сизов, О.В. Гурова.

Кроме того, автор считает, что конформизм являлся средством своеобразной самозащиты интеллигенции перед властью. Рассматривая проблему конформизма в данном аспекте, ученый вводит термин «агрессивная среда»¹¹.

Схожую точку зрения можно встретить в работах уральского историка А.И. Делицы: «...в условиях мощного идеологического прессинга 1928–1930 гг. многие инженеры и техники в качестве вынужденной самозащиты переходят на позиции мимикрии под советскую действительность»¹².

Как альтернативу конформизму Н.К. Эйнгорн предложила более достойное, по ее мнению, для интеллигенции качество – толерантность. Под толерантностью автор подразумевает «способность к пониманию, прощению и терпимости. Способность не усугублять конфликт, а мудро искать пути к его разрешению. Конформизм же эгоцентричен, его забота – только о себе»¹³. Таким образом, идет противопоставление конформизма и толерантности.

В дискуссию с Н.К. Эйнгорн вступает О.В. Пропп, чья точка зрения, по нашему мнению, является более взвешенной и аргументированной. Согласно Пропп, толерантность не может рассматриваться в качестве реальной альтернативы стратегии поведения интеллигенции, поскольку сам термин предполагает терпимость сильного по отношению к слабому и обусловлена внутренним убеждением на существование множества мнений и подходов. Исходя из

этого, интеллигенции в советском государстве по определению не могла быть толерантной. Конформизм же, по словам О.В. Пропп, представляет собой вынужденную мимикрическую реакцию на внешнее давление агрессивной социальной среды, то есть это «терпимость» слабого по отношению к сильному¹⁴.

Оправданным является вывод О.В. Пропп, что конформизм был единственным средством выживания для большинства представителей интеллигенции в условиях, когда «цена вопроса» поведенческой стратегии была максимальной, вплоть до физического уничтожения. Мы полностью согласны с автором, что проставлять негативные оценки за такое явление как конформизм представляется не совсем этичным, особенно если речь идет о сталинском периоде правления.

С точки зрения О.В. Гуровой, степень конформизма интеллигенции зависит от двух факторов – внешнего (конкретный исторический период, наличие или отсутствие «агрессивной среды», социально-политическая и экономическая обстановка) и внутреннего (качества человека: характер, нравственно-духовные свойства, жизненные цели). В зависимости от данных факторов происходит и трансформация поведенческой стратегии интеллигенции в отношении власти¹⁵.

Ряд историков считает, что, несмотря на поддержку власти со стороны интеллигенции, последняя всегда находилась во внутренней оппозиции к власти. По мнению М.С. Петренко, «интеллигенция, традиционно оставаясь настроенной оппозиционно к власти, всячески поддерживала последнюю, стараясь во что бы то ни стало добиться признания и покровительства со стороны правивших органов»¹⁶. Противоречивый характер в отношениях интеллигенции и власти, с точки зрения автора, был вызван, с одной стороны, стремлением интеллигенции сохранить свою независимость, с другой, невозможностью реализовать свои творческие устремления, минуя партийные структуры.

Т.Б. Котлова и Е.М. Раскатова пишут: «...нравственное неприятие тоталитаризма – естественная черта подлинной интеллигенции»¹⁷. По словам Раскатовой, даже всячески поощряемые режимом, наиболее яркие художники отторгали его тоталитарную суть.

Несколько иную позицию по вопросу о поддержке власти можно встретить в работах В.Г. Чуфарова, В.Т. Ермакова, В.К. Янина: «Верность своему профессиональному долгу и желание служить народу привели к тому, что основная масса интеллигенции встала на путь делового сотрудничества с советским государством»¹⁸.

По нашему мнению, нельзя противопоставлять оппозиционность и конформизм, оценивая первое явление как положительное, а второе как отрицательное. Думается, что многим представителям

интеллигенции конформизм давался не легко. С другой стороны, являлась ли оппозиционность конструктивной поведенческой стратегией.

Примечания

¹ Никитина А.О. Интеллигенция и власть на Урале в 1920-е гг.: к вопросу о периодизации уральской историографии // Известия Уральского Государственного университета. 2007. № 50. Вып. 21. С. 181–187.

² См.: Волков В.С. Идеино-политические позиции интеллигенции СССР в конце 30-х гг. // Российская интеллигенция: XX век. Екатеринбург, 1994; Веселов В.Р. Реалистики и романтики: не пора ли размежеваться? // Интеллигенция и власть на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996; Терехов В.С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг. Нижний Тагил, 1997; Дукарт С.А. Исследование российской интеллигенции на рубеже XXI века. (Историко-методологический аспект) // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998;

³ Терехов В.С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг. Нижний Тагил. С. 164.

⁴ Там же. С. 164–165.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Дукарт С.А. Исследование российской интеллигенции на рубеже XXI века. (Историко-методологический аспект) // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 19–20.

⁷ См.: Волков В.С. Идеино-политические позиции интеллигенции СССР в конце 30-х гг. // Российская интеллигенция: XX век. Екатеринбург, 1994; Глазавский М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург, 2003.

⁸ Красильников С.А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке (дискуссионные заметки) // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 43.

⁹ См.: Пинегина Л.А. «Короля играет свита» (культ И.В. Сталина и советская интеллигенция) // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996; Туробов А.В., Данилов А.А. К проблеме сохранения интеллигентских духовных качеств в условиях неволи // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998; Тагильцева Н.Н. Судьбы уральских краеведов // Там же; Антипова А.А. Смогла ли советская власть создать советскую интеллигенцию // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2003.

¹⁰ Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского Государственного университета. 1998. № 8. С.84.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Делиной А.И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919–1931 гг.: Проблема взаимоотношений. Автореферат дисс. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С.18.

¹³ Финнова В.И. Даспль основы научного конформизма? // Известия Уральского Государственного университета. 1998. № 8. С. 88.

¹⁴ См.: Главацкий М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург. 2003; Пропт О.В. Еще раз о конформизме интеллигенции // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004.

¹⁵ См.: Гурова О.В. Трансформация поведенческих стратегий интеллигенции в переломные эпохи: В.Ф. Торский в 1931–1937 гг. (к вопросу о конформизме советской интеллигенции) // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004.

¹⁶ Петренко М.С. Проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти в начале 1950-х гг. (на материале Зап. Сибири) // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 121.

¹⁷ Котлова Т.Б., Раскатова Е.М. Интеллигенция и тоталитарное государство: к оценке взаимоотношений // Интеллигенция и власть на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 145; Раскатова Е.М. Отечественная художественная интеллигенция и реалии XX века // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998.

¹⁸ Чуфаров В.Г. Старая дореволюционная интеллигенция и новая советская интеллигенция: опыт сравнительного анализа // Российская интеллигенция: XX век. Екатеринбург, 1994. С. 148; Ермаков В.Т. Об исторической «вине» и ответственности российской интеллигенции в XX столетии // Там же; Янин В.К. Производственная и научно-техническая интеллигенция в условиях сталинского режима (конец 20-х – 30-е гг) // Интеллигенция и власть на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996. Ч. 2.

*М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

Камерные заметки. К вопросу об «исчезновении интеллигенции» в российском обществе

Начало XXI в. ознаменовалось довольно необычным явлением в научном мире: дискуссиями по вопросу наличия или исчезновения в российском обществе интеллигенции.

Высказаны мнения о мифологичности самого понятия «интеллигенция»¹; об исчезновении интеллигенции в постсоветское время²; об утрате интеллигенцией ряда своих сущностных характеристик³. При этом произошло любопытное разделение труда: историки, продолжая многолетние изыскания, проводят всероссийские конференции по истории интеллигенции⁴, тогда как часть философов и социологов пришли к отрицанию существования самого предмета исследования. Вижу в этом и закономерность: момент разобщенности общества нашел отражение и в определенном отсутствии единства действий представителей гуманитарных наук.

Внимание ученых России к исследованиям судеб интеллигенции, как к составной части работ по истории культурных преобразований, во многом связано с многогранной научной деятельностью